

З. А. Волконская

Сказание об Ольге

Дача на Петергофской дороге: Проза русских писательниц первой половины XIX века / Сост., и примеч. В. В. Ученова.-- М.: Современник, 1986.

[OCR Бычков М. Н.](#)

Песнь вторая

Месяц освещал низкую хижину варяга-перевозчика и зыбкие волны озера.-- Наступила пора долгих ночей; давно отлетели в теплые края перелетные птицы, давно вороны и галки слетались стадами из лесов под кровли сельских хижин; снег, окрепший от мороза, хрустел под стопами конских копыт, а легкие сани, едва чертя след, летали.

Кончены работы; вот пора гаданья, игрищ и свадеб! Каждый день веселая толпа собиралась в просторнейшей хижине села. Там, на посиделках, молодцы затевали игры, молодницы пряли, пели, славили *Вайзгантоса*¹ бога дев, и *Ладу*², богиню свадеб. Старухи садились у очага; одни гадали, глядя на зажженную березовую лучину; другие, в кругу мужчин и женщин, у которых лица показывают внимание и веру, толковали сны, рассказывали про добрые и злые встречи, про оборотней и про юных рыбаков, пропавших в озеро и унесенных на дно водяным дедом. Девы и парни, любовь на уме, собирали в деревянное блюдо ожерелья и кольца, вынимали под песни, и песни гласили им то свадьбу, то дальний путь, то богатство, то скорую смерть. Не раз и Ольга, задумавшись, опускала в то блюдо, со вздохом тяжелым, свое запястье или привеску с ожерелья, и не раз песня сулила ей жениха молодого и знатного. Тогда она шла поспешно домой, в свою бедную хижину, и там все дышало для нее надеждою и мечтами.

Но проходило время, а не было слуху ни об Игоре, ни об Олеге. Старик не замечал грусти дочери. Она по-прежнему в точности исправляла все дела свои, говорила мало и скрывала тоску от его взоров. Но ее краски бежали с ланит, и слабый ее голос уже не пробуждал отголосков озера. Если, в угодность отцу, она затягивала иногда песнь об отъезде, то частое биение сердца захватывало ей дух, и звуки замирали на устах ее. Так водопад, тяжелый, кипучий, шумно валит на камень, заглушая песни рыбака на берегу соседнем.

Снег блестит от солнца. Воздух ледян, воды недвижны, и казалось бы, что смерть все окутала в свой широкий белый саван, если б карканье ворон и крик галок не свидетельствовали еще о какой-то жизни.

Но кто ж возмутил безмолвие леса? Отчего вдруг посыпался снег с этих ветвей согбенных? Отчего заяц бросился в глубокий ров? -- В сию глушь проникла юная дева. С трудом идет она по глыбам снега, где тонет ее нога, пробирается между густых ветвей, которых еще не разнимала рука человеческая. Красноватый свет показался глазам ее. "Благословен Перун и Один!"³ -- сказала она, испустив долгий вздох, дотоле сжатый в груди сомнением и страхом; ускорила шаг, легко перескочила через забор, сложенный из набросанных корней сосновых, и очутилась перед старцем, сидевшим у большого огня. Борода его висела ледяными клочьями, и глаза, блестящие, как у волка в темном лесу, уставились на деву.

-- Чего ты хочешь? Зачем пришла? -- спросил он.

-- За советом, дедушка, -- отвечала она и вынула из-под пестрого передника кусок холста, ей самую тканного.

-- Криве могучий!⁴ да виданное ли дело, чтобы девки одни-одинехоньки заходили в эту страшную пустошь? Кто ты такая?

-- Варяжка, дедушка. Зовут меня Ольгой, а прозвал так молодой князь-богатырь прошлого года на прощанье. Он обещал мне взять меня за себя, и я давно, давно жду его, но его нет как нет. За ним, знаешь, ездит много коней и прислуги. Теперь я пришла к тебе, добрый дедушка... у нас ведь молва слывет, будто